Израиль — Иран: балансирование на грани?

Звягельская И. Д., Морозов В. М.

Статья посвящена анализу межгосударственных отношений между Израилем и Ираном. Израильско-иранские отношения находятся в состоянии кризиса. Стремление Ирана утвердиться в качестве регионального лидера обусловило его жесткую позицию по арабо-израильскому конфликту и помощь радикальным силам. Эта активность вызывает озабоченность Израиля, но еще большую тревогу вызывает ядерная программа Ирана. Израиль, требуя в этой связи санкций ООН, не исключает полностью возможности нанесения военного удара по ядерным объектам этой страны.

История израильско-иранских отношений, которые в результате смены государственного режима в Иране трансформировались из дружеских в крайне напряженные, является примером действия идеологических факторов, формирующих новую систему приоритетов и способных разрушить базировавшееся на общих интересах партнерство. Шахский Иран был естественным союзником Израиля в регионе. Существовавшие у обоих государств мотивы для взаимного притяжения носили объективный характер. Традиционное соперничество с арабами, изоляция в регионе, совпадение внешнеполитических ориентаций, наличие общих угроз — все это в комплексе определяло достаточно тесные и доверительные связи. Иранское направление во внешней политике Израиля открывало дверь в мусульманский мир, что, с учетом конфликта с арабами, имело для израильского руководства особое политическое значение.

В марте 1950 г. Иран признал Израиль де-факто. В Тегеране открылось израильское неофициальное представительство. Из Ирана в Израиль шли поставки нефти. После Суэцкой кампании в отношениях между двумя государствами была вписана новая страница. В сентябре 1957 г. устанавливаются связи между САВАК (внутренняя разведка Ирана) и Моссадом, к которым затем подключились военные ведомства. Весной 1959 г. было подписано соглашение о военном и разведывательном сотрудничестве, которое сохранялось до свержения шаха в 1979 г.

Израиль сыграл определенную роль и в создании атомной энергетики Ирана. Небольшой ядерный реактор, переданный США иранцам в 1967 г., помогли налаживать израильские специалисты, имевшие опыт работы в Сореке и Димоне. Не исключено, что израильтяне работали также в Бушере и в Исфохане.

После исламской революции в Иране ситуация изменилась коренным образом, но прагматизм во внешней политике Ирана и Израиля сохранялся. Во время ирано-иракской войны, начавшейся в 1980 г. и продлившейся восемь лет, Израиль сделал свой выбор. С точки зрения Израиля, надеявшегося, что война сможет сковать действия двух враждебных ему режимов, Иран выглядел все же менее опасным, чем Ирак, чья военная машина была частью военного потенциала противостоящего еврейскому государству арабского мира. Иракский режим ориентировался на СССР, с которым у Израиля не было в тот период дипломатических отношений, и который поддерживал радикальные арабские силы. Существуют свидетельства того, что израильские политики не только благоприятно отнеслись к неофициальным просьбам Ирана о поставке запчастей для истребителей, но и предприняли меры по втягиванию представителей республиканской администрации США в игру по поставкам оружия, разоблачение которой получило название «ирангейт».

Несмотря на неприятие исламского режима в Иране, Израиль все же полагал возможным сохранение определенных, не рекламировавшихся отношений, которые осуществлялись на уровне частных

Звягельская Ирина Доновна — доктор исторических наук, профессор Кафедры востоковедения МГИМО(У), вице-президент Центра стратегических и политических исследований, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Морозов Владимир Михайлович — кандидат исторических наук, доцент Кафедры дипломатии МГИМО(У); e-mail: www.vestnik@mgimo.ru

компаний и инициатив. Резкий поворот наметился в связи с новыми, более радикальными и напористыми подходами иранского руководства, которые персонафицирует президент М. Ахмадинежад.

Приход к власти в Иране молодого, радикального и не слишком искушенного в международных делах политика был продиктован, прежде всего, внутривластными проблемами. Правившая Ираном религиозная корпорация оказалась далеко не однородной. Реформаторство президентов Х. Рафсанджани и М. Хатами было с большими опасениями воспринято консерваторами, желавшими сохранения «идейной чистоты» и сложившейся политической системы. Убедившись в том, что либеральный курс оказался востребованным и в Иране, где большинство населения составляет молодежь, и где относительно велик процент студенчества, консерваторы способствовали появлению на посту президента своего ставленника.

Социальной опорой радикального консерватизма стали сельские мигранты, которые сравнительно недавно перебрались в города и не сумели вписаться в городскую культуру, одновременно порвав со своей прежней традиционной средой. Эти маргинализованные слои, которые можно встретить практически в любом обществе, занимающие низ социальной лестницы, являются наиболее агрессивными. Они достаточно легко могут быть мобилизованы и использованы в политических целях. Ненавидящие город и непривычный им стиль жизни, они становятся носителями самых примитивных форм национализма, которые в то же время достаточно органично отражают характерную для иранцев убежденность в своей цивилизационной исключительности. Задачам консолидации общества на националистической и неоконсервативной основе полностью соответствовала ставка иранского руководства на развитие ядерных и ракетных технологий.

Во внешней политике избранный курс не столь однозначно помогал в укреплении лидирующей роли Ирана в регионе и мусульманском мире. По мнению американских специалистов Дж. Лидсея и Р. Тайкея, «нынешняя более консервативная правящая элита, включая президента Махмуда Ахмадинежада и Революционную гвардию, видят в ядерном потенциале важнейшее средство обеспечения господства Тегерана в регионе. Ядерное оружие действительно являет собой потенциал сдерживания: в отличие от Ирака Саддама Хусейна, ядерный Иран не подвергнется вторжению, а его лидеров не сместят. Однако безопасность режима и переброска войск — это два очень разных предприятия. Трудно вообразить, что суннитские режимы уступят возрожденному шиитскому государству, ядерное оно или нет. Более вероятно, что государства Персидского залива еще в большей степени доверятся «зонтику безопасности» Соединенных Штатов. Парадоксальным образом оружие, предназначенное для обеспечения регионального

господства Ирана, приведет его к дальнейшему отчуждению от соседей и продлит на неопределенный срок присутствие американских военных сил на его периферии. Иными словами, обладание ядерным арсеналом вполне может помешать гегемонистским амбициям Тегерана»¹.

Иранская политика рассматривается в Израиле как серьезный вызов по нескольким причинам. Прежде всего, речь идет о ядерной программе, которая, по мнению израильских специалистов, носит военный характер и не имеет ничего общего с «мирным атомом». В принципе, превращение Ирана в ядерную державу может привести к быстрому распространению ядерного оружия в регионе, что не устраивает практически все международное сообщество. Однако в Израиле эта перспектива вызывает неизмеримо более болезненную реакцию. Израиль явно не хочет утратить свою ядерную монополию и неоднократно демонстрировал намерение пресекать любую возможность изменения ситуации в этой сфере. Можно вспомнить удар по иракскому реактору в 1981 г., бомбардировку в апреле 2007 г. сирийской территории с поражением весьма загадочной цели.

Конечно, ситуация с Ираном другая, и здесь обойтись кавалерийским ударом не удастся. Иранские объекты хорошо защищены, местоположение многих из них неизвестно, некоторые находятся в густонаселенных районах. Последствия такого удара тоже могут быть очень серьезными. И все же трудно представить себе ситуацию, когда Иран нанесет по Израилю ядерный удар, который сметет с лица земли не только ненавистных иранскому руководству жителей этой страны, но и мусульманские святыни. Вряд ли есть более абсурдный путь добиться выхода из изоляции и лидерства в исламском мире. И все же не стоит преуменьшать озабоченность Израиля в связи с перспективой обретения Ираном ядерного статуса.

Опасения Израиля вызваны общей политикой Ирана в регионе. Американская операция в Ираке привела к исчезновению прежнего баланса сил, когда Ирак мог сковывать Иран. Не встречая никакого сопротивления, иранское руководство может позволить себе более активно действовать в зоне Персидского залива и проводить собственный курс в ближневосточном конфликте. В его основе — поддержка радикальных организаций и движений, ведущих борьбу против Израиля и не склонных к политическим компромиссам. Прежде всего, речь идет о шиитской партии Хизбалла, которая действует с территории Ливана.

Как известно, Хизбалла была создана в 1982 г. на юге Ливана в ответ на военное вторжение Израиля. Вначале ливанские шииты ждали от израильских войск разгрома вооруженных группировок ООП, создавших на юге Ливана свои базы и притеснявших местное население, и не проявляли особой враждебности. Но очень скоро ситуация изме-

■ Международные отношения

нилась, и завязавшая в Ливане израильская армия стала объектом ненависти со стороны различных конфессиональных сил, включая шиитов. Хизбалла стала получать помощь от Ирана и Сирии и постепенно превратилась в мощную военную и политическую силу, с которой было вынуждено считаться слабое ливанское руководство. Являясь политической партией и имея военное крыло, Хизбалла декларировала продолжение борьбы с Израилем, при этом узурпируя легитимное право государства на использование военной силы.

Конфликт Израиля с Хизбаллой особенно интенсифицировался в последние годы, когда боевики этой организации получили возможность за счет военных поставок из Ирана осуществлять постоянные ракетные обстрелы северных районов Израиля. Благодаря системе бомбоубежищ в Израиле эти обстрелы не приносили существенного вреда, хотя и оставались постоянной угрозой для местного населения и вызовом для военных и гражданских лидеров, не способных положить им конец. В ходе Второй ливанской войны, которую вел Израиль в июле-августе 2006 г., впервые пришлось провести массовую эвакуацию жителей из северных районов. Выпущенные бойцами Хизбаллы ракеты накрыли 70 населенных пунктов и достигли Хайфы. Последнее свидетельствовало о наличии у Хизбаллы ракет с повышенным радиусом действия, в поставках которых Израиль обвинил Иран.

Если шиитская Хизбалла всегда была для Ирана союзником, учитывая конфессиональный фактор, то поддержка Тегераном радикального движения ХАМАС, пришедшего к власти в результате выборов в Газе в январе 2006 г. и окончательно утвердившегося после кровавого конфликта со сторонниками ФАТХ, имела несколько иные мотивы. Здесь главным фактором была бескомпромиссность ХАМАС в его сопротивлении Израилю. Иран, поддерживая радикалов, демонстрировал арабскому миру свою готовность продолжать борьбу с израильтянами в условиях, когда арабские режимы и руководство ФАТХ заняли «оппортунистические позиции».

Опасения Израиля относительно выхода Ирана на производство ядерного оружия и расширения его активности в регионе были продиктованы прагматическими соображениями. Но в целом нынешнее отношение Израиля к Ирану отличается, наряду с прагматизмом, также и высокий накал эмоций. Следует признать, что иранское руководство, со своей стороны, сделало немало, чтобы вызвать раздражение у Израиля, выбрав для своей пропаганды наиболее болезненные для еврейского населения темы. Прежде всего, речь идет об отрицании Холокоста или его реальных масштабов. Заявления по этому поводу самого президента, многочисленные конференции, организованные в Иране, не могут не вызывать отторжения у людей, ненавидящих фашизм и его деяния.

Для израильтян тема Холокоста остается особенно чувствительной. Именно гибель евреев во Второй мировой войне заставила международное сообщество решить вопрос о создании еврейского государства, которое стало правопреемником и хранителем еврейской памяти. Страшная трагедия еврейского народа по-прежнему играет особую роль в формировании национальной идентичности. Признание уникальности Холокоста становится инструментом формулирования современных национальных задач и приоритетов.

Как писал израильский специалист А. Эпштейн, «Яд Вашем (посвященный Холокосту музей в Израиле — авт.) призван не только (и даже не столько) изучать и демонстрировать посетителям весь комплекс исторических событий, в контексте которых стал возможным Холокост. Он должен формировать внутреннюю и внешнеполитическую повестку того дискурса, в центре которого находится Государство Израиль. Государство, предназначение которого его отцы-основатели видели в реализации той или иной социальной или духовной программы, возникло тогда, когда основной задачей стало «не допустить нового Холокоста». Он всеми правдами и неправдами был вычленен из всего трагического опыта истории, полной геноцидов и ужасных преследований самых разных групп людей, и, вместо общечеловеческого правозащитного смысла, «Яд Вашем» был наполнен сугубо национальным, чтобы не сказать националистическим, содержанием. Сквозная идея экспозиции музея «Яд Вашем» состоит в том, что в те кошмарные годы, когда евреев миллионами «ставили к стенке», сжигали в печах и травили ядовитыми газами, ни одно государство не пришло им на помощь. А это значит, что только на свою страну и на ее вооруженные силы евреи могут рассчитывать в борьбе за безопасность и выживание»².

В контексте такого отношения к Холокосту политика Ирана, а заодно ХАМАС и Хизбаллы преподносится в Израиле как экзистенциальная угроза. Подобное смешение времени и обстоятельств в принципе не ново для израильской политики. Достаточно вспомнить, как, оправдывая израильские бомбардировки Бейрута в 1982 г., М. Бегин называл Арафата Гитлером, скрывающемся в своем бункере, которого надо «выбомбить». Столь иррациональные аллюзии вызвали возмущение в Кнессете. Одна из депутатов сказала премьеру: «Вернитесь к реальности. Мы не в варшавском гетто. Мы — в Государстве Израиль»³. Однако уйти от подобного рода сравнений некоторые израильские политики не в состоянии, несмотря на то, что нет ничего общего между мощным региональным центром Израилем и несчастными общинами европейских евреев, которые не могли противостоять фашистской машине уничтожения.

Бывший израильский министр иностранных дел Шломо Бен-Ами также отмечал искус рассматривать современные угрозы в свете пережитой евреями трагедии. «Сегодняшняя нервозность также питается

представлениями и страхами, действительной и выдуманной озабоченностью. Иранская угроза израильской стратегической гегемонии представляется как экзистенциальная угроза в стиле Холокоста, а другие израильские враги — Хизбалла, которая верит, что может добиться «конца сионистского образования», и Сирия, которая открыто хвалится, что ее баллистические ракеты способны уничтожить основные города Израиля, — также рассматриваются как иррациональные акторы»⁴.

Подобные подходы ведут к неверным оценкам существующих угроз, а, следовательно, и к резкому занижению порога ожидаемой реакции. Если общество считает, что угроза М. Ахмадинежада «стереть Израиль с карты мира» абсолютно реальна и может быть реализована безответственным режимом, не остановленным в самом начале, то оно будет готово поддержать любые действия по пресечению такой угрозы. И, не слишком заботясь о последствиях, требовать от политиков и армии превентивного применения военных средств. Сегодня в СМИ все чаще звучат голоса о возможном военном решении этого вопроса. Информационным поводом становились то прошедшие в Иране «недемократические выборы», то сведения о строительстве ядерного объекта в Куме, сопровождавшиеся заявлениями иранских властей о начале производства обогащенного урана, то иранская реакция на израильские действия против «Флотилии свободы».

Анализ публикаций в центральной израильской прессе, заявления представителей израильского высшего политического и военного руководства показывает, что в Израиле вновь решили любой ценой обратить внимание мирового сообщества на «иранскую угрозу». В каждом без исключения выступлении руководителей еврейского государства всегда присутствует обвинение в адрес Ирана и призыв остановить его ядерную программу. Постоянно Израиль требует от своих зарубежных партнеров «надавить» на Тегеран⁵. В ход идут любые доводы (прежде всего разведывательная информация), в том числе намеки на военную операцию.

На международной арене Израиль пытается донести до мирового сообщества мысль о том, что сегодня Тегеран — угроза не только Израилю, но и всем странам мира. Генеральной линией была избрана работа непосредственно с ключевыми мировыми лидерами, в поддержке которых нуждается Израиль. Так, премьер-министр Б. Нетаньяху провел целую серию личных контактов с руководителями ведущих государств — Б. Обамой, Н. Саркози, А. Меркель, С. Берлускони, Д. Медведевым. На каждой встрече израильский премьер пытался заручиться их поддержкой, делая основной акцент на «укреплении в сознании всех угрозы Ирана».

Москва воспринимается израильским руководством как один из важнейших партнеров в силу имеющейся у России возможности вести с Ираном прямые

«невраждебные контакты». По мнению израильского министра иностранных дел А. Либермана, основной целью внешней политики Израиля по отношению к России является «удержание ее сбалансированной позиции», которая во многом устраивает Израиль. А. Либерман доводил эту точку зрения напрямую на встречах с российским руководством.

Анализ заявлений и речей ведущих мировых лидеров, а также израильского и иранского руководства не дает ответ на основной вопрос — будет ли военное решение вопроса. С одной стороны, ни один израильский руководитель высшего звена до сих пор не осмелился заявить о возможной военной операции против Ирана — ни премьер-министр, ни министр иностранных дел, ни даже самые правые министры израильского правительства. Зато израильские СМИ, ссылаясь на источники в израильской армии, изо дня в день публикуют различные сценарии боевых действий. Об особой деликатности данного вопроса могут свидетельствовать имеющие место оговорки некоторых представителей израильского МИД, в том числе послов за рубежом, что на эту тему «распространяться не рекомендовано».

Вместе с тем, считать, что в израильской политической элите действительно не задумываются о военной операции, было бы неправильным. Так, в феврале 2010 г. глава израильской парламентской комиссии по внешним делам и обороне Ц. Анегби заявил после консультаций в США: экономические санкции — «не единственный возможный способ действия против иранской ядерной программы»⁷.

Этот вопрос не раз поднимался израильской стороной на встречах с руководством США и НАТО. Конечно же, Израиль не может и подумать о военном сценарии без оглядки на своего основного союзника — Вашингтон. Очевидно, что у Израиля есть разработанный план боевых действий на случай начала войны, но без получения хотя бы «желтого» света из Белого Дома он не может решиться на военную операцию. Внешняя политика демократической администрации Б. Обамы и в этом вопросе стала заметно более сбалансированной. Учитывая стремление Вашингтона наладить отношения с исламским миром, особенно в условиях присутствия американских войск в Ираке и Афганистане, Израиль вряд ли может рассчитывать даже на косвенную поддержку США в случае военной операции.

Несмотря на публикации в израильских СМИ и постоянное обсуждение данной проблематики в израильском обществе, даже в Совете национальной безопасности Израиля на нынешнем этапе военные действия против Ирана представляются маловероятными. По словам главы израильского СНБ У. Арада, «сегодня военный удар по Ирану не стоит на повестке дня»⁸. В этот контекст вписывается и информация о том, что на данном этапе США все-таки решили сделать акцент на решении «иранской проблемы» дипломатическими средствами. В частности, с этими целями

по просьбе Б. Обамы в феврале 2010 г. с рабочим визитом в Иране находился министр иностранных дел Турции А. Давутолу, которому отводилась роль посредника в снятии напряженности между Тегераном и Вашингтоном⁹.

Для Израиля отношения с Турцией всегда имели особое значение. Как и в случае с Ираном, Турция является неарабской мусульманской страной, связи с которой должны были обеспечить противовес враждебности арабского мира. В последнее время эти отношения все больше подвергаются эрозии. Турецкое руководство не заинтересовано в том, чтобы акцентировать особые отношения с Израилем и стремится занять позицию, которая будет с большим пониманием восприниматься ее соседями. Крайне политически невыгодным для Израиля эпизодом стала высадка израильских командос на судно «Мави Мармара» в ночь на 31 мая 2010 г. Корабль шел под турецким флагом в составе конвоя с гуманитарной помощью, целью которого был прорыв блокады Газы. В результате погибло 9 человек. Действия Израиля получили широкое международное осуждение, а Турция отозвала своего посла из Израиля и отменила совместные военные учения.

В этой связи вполне ожидаемым стало заявление иранского Красного Полумесяца о том, что он тоже готов направить морем свою гуманитарную помощь, выступая против блокады Газы. «Если иранцы действительно пошлют корабли, это будет означать, что они ищут конфронтации», — сказал Игал Палмор, представитель министерства иностранных дел Израиля. Он не пояснил, каким будет ответ Израиля, но другие представители Израиля заявляют, что не дадут кораблям прорвать блокаду. В английской газете «Индепендент», поместившей эту информацию, говорится также и о том, что Иран, как сообщалось, заявил, что мог бы послать республиканскую гвардию для охраны конвоя, что уже будет означать прямой вызов Израилю¹⁰.

Для Ирана кровавый инцидент в Средиземном море явился еще одним поводом не только привлечь внимание к проблеме населения Газы, действительно страдающего в условиях блокады, но и подчеркнуть свою готовность к достаточно жестким действиям в поддержку палестинцев.

Единственным действенным средством борьбы с Ираном для Израиля остается введение международных санкций. Причем, с точки зрения Израиля, это должны быть крайне жесткие санкции, которые не сводились бы только к ограничению иранской активности по ядерной программе. Выступая на конференции в Иерусалиме 7 февраля 2010 г., израильский премьер Б. Нетаньяху заявил: мировое сообщество должно консолидироваться, приняв решение о наложении «санкций с зубами» — санкций, действительно ограничивающих экономическое развитие Ирана¹¹.

Как известно, Совет Безопасности ООН принял 9 июня 2010 г. очередную резолюцию по санкциям

против Ирана, отказывающегося свернуть работы по обогащению урана. Документ предусматривает, в частности, ограничения на финансовое сотрудничество с Исламской Республикой, в том числе на сделки с иранскими банками и страховыми компаниями. Под действие вновь введенных санкций подпадают 40 иранских компаний и организаций, связанных с Корпусом стражей исламской революции. Резолюция также расширяет эмбарго ООН на поставки оружия Ирану и призывает ввести режим инспектирования грузов, подобный тому, который действует в отношении КНДР. Очевидно, что перечисленные меры не совсем то, на чем настаивал Израиль, но они являются средством демонстрации международным сообществом своего недовольства политикой иранских властей в ядерной области.

Представители израильского экспертного сообщества весьма скептически отнеслись к последовавшему после принятия четвертого раунда санкций заявлению Б. Обамы о том, что дверь для дипломатии по-прежнему открыта. «Чтобы дипломатия имела шансы на успех, США нужно выработать эффективную стратегию переговоров, сопровождающихся сильными многосторонними и односторонними санкциями, а пока нет признаков того, что США это делают»¹².

Очевидно, что только давление, не сопровождающееся определенными уступками, не способно решить имеющиеся проблемы. Более того, некоторые израильские политики могут рассматривать санкции не только как средство отдалить принятие нежелательных решений, но и как своего рода ультиматум Ирану, что на деле не способствует снижению напряженности, а может даже привести к ее неконтролируемому росту. При этом необдуманные шаги и заявления могут подтолкнуть стороны, даже помимо их желания, к опасному рубежу. Кризис обладает собственной логикой развития, остановить которую игроки нередко оказываются не в силах.

О том, что есть подходы, способные подтолкнуть к такому кризису, свидетельствует, в частности, точка зрения профессора Института Джорджа Вашингтона Амитаи Эциони, который предлагает изучить «альтернативный вариант военного удара». Смысл позиции автора состоит в следующем:

1. он не считает сдерживание действенным инструментом;
2. иранские политики, не являясь иррациональными акторами, все же могут быть отнесены к числу нерациональных;
3. для них велика значимость религиозно-идеологического фактора.

Эциони предлагает принимать в этой связи такие меры, которые будут нацелены не на уничтожение ядерных объектов, а заставят иранское руководство изменить свою политику. Фактически речь идет о военных ударах, но не по ядерным, а по военным объектам, если Иран не пойдет навстречу

требованиям по открытию его ядерной программы. Затем могут быть удары по объектам двойного назначения и т.д.¹³

Очевидно, что предложенная американским социологом форма воздействия на Иран абсурдна и вряд ли заслуживает серьезного рассмотрения. Вместе с тем появление такого рода идей (даже на академическом уровне) само по себе достаточно симптоматично. Бомбардировки территории суверенного государства рассматриваются как вполне приемлемый способ воздействия на политику его руководства, как средство ее изменения в нужную сторону.

В целом можно выделить несколько вариантов поведения Израиля в связи с ядерной программой Ирана, которые, так или иначе, обсуждаются в Израиле. Кроме уже рассмотренных вариантов ударов по ядерным объектам и режима экономических санкций против Ирана есть еще одна точка зрения, которую высказывают люди, находящиеся в явном меньшинстве в Израиле. Ее смысл состоит в том, что в конечном итоге издержки борьбы с ядерной программой ИРИ станут столь велики, что, возможно, придется в будущем жить с ядерным Ираном. Это означает, что уже сейчас надо думать о дополнительных мерах безопасности и о сдерживании исламской республики.

Иранский фактор в настоящее время рассматривается в Израиле как более значимый для безопасности страны, чем неурегулированность палестино-израильского конфликта. Более того, делаются намеки на то, что Израиль и многие арабские государства

ныне сталкиваются с общей угрозой. В этом есть значительная доля лукавства. Решение палестино-израильского конфликта требует слишком больших усилий и весьма тяжелых уступок со стороны Израиля, к которым не готово ни его руководство, ни израильское общество, в то время как по отношению к Ирану существует достаточно широкий консенсус. Если иранская ядерная программа — один из элементов сплочения иранского общества, то похожую роль она сейчас играет и для израильтян, имеющих более широкий разброс мнений по другим проблемам.

Кризис израильско-иранских отношений все более углубляется. Вопрос о том, какой вариант действий выберет Израиль, остается открытым, и возможность нанесения военного удара полностью не снята с повестки дня. Многое будет зависеть от усилий международного сообщества, от того, удастся ли ведущим державам не только использовать режим санкций, но и сделать Ирану предложения, от которых ему будет трудно отказаться.

Summary: The Israeli-Iranian relations are in deep crisis. Iran's efforts to assume regional leadership have dictated its rigid approach to the Arab-Israeli conflict and its support of the most radical forces. These activities cause serious concern in Israel; even greater concerns are aroused over Iranian nuclear program. Israel, while demanding «biting UN sanctions», does not rule out a military option.

Ключевые слова

ядерная программа, экзистенциальная угроза, палестинская проблема, санкции, военная операция

Keywords

nuclear program, existential threat, the Palestinian problem, sanctions, military strike

Примечания

1. Линдсей Дж., Тайкей Р. Когда Иран получит атомную бомбу//Россия в глобальной политике. № 2, март-апрель 2010. С.
2. Эпштейн А. Между стенами: попытка коллективного портрета израильской нации//Неприкосновенный запас. № 4 (66), 2009. Эл. ресурс: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/ep9.html>
3. Shlaim A. The Iron Wall. Israel and the Arab World. N.Y. –London: W.W. Norton & Company, 2000. P.411
4. Ben-Ami S. The Middle East Hair's Trigger//Daily News, 5 March 2010
5. Тексты официальных выступлений премьер-министра Израиля и членов израильского правительства по иранской проблематике. Эл. Ресурс: <http://mfa.gov.il>
6. Maariv, 21.02.2010 (на иврите)
7. Haaretz, 7.02.2010 (на иврите)
8. Yediot aharonot, 8.02.2010 (на иврите)
9. Вести, 18.02.2010
10. The Independent, June 8, 2010
11. Текст выступления Б.Нетаньяху на конференции в Иерусалиме 7.02.2010, Эл. Ресурс: <http://mfa.gov.co.il>
12. Landau E. and Asculai E. The Forth Round of Sanctions on Iran//INSS Insight No. 188, June 13, 2010
13. Etzioni A. Can a Nuclear-Armed Iran be Deterred? // Military Review. May-June 2010. P. 124